

А. И. СОКОЛОВА

**Император Николай Первый
и васильковские дурачества**

<Фрагмент>

<...> В бытность мою в Смольном монастыре, в числе моих подруг по классу была некто Лопатина¹, к которой в дни посещения родных изредка приезжала ее дальняя родственница, замечательная красавица, Лавиния Жадимировская, урожденная Бравур².

Мы все ею любовались, да и не мы одни.

Ею, как мы тогда слышали, — а великосветские слухи до нас доходили и немало нас интересовали, — любовался весь Петербург.

Рассказы самой Лопатиной нас еще сильнее заинтересовали, и мы всегда в дни приезда молодой красавицы чуть не группами собирались взглянуть на нее и полюбоваться ее характерной, чисто южной красотой.

Жадимировская была совершенная брюнетка, с жгучими глазами креолки и правильным лицом, как бы резцом скульптора выточенным из бледно-желтого мрамора.

Всего интереснее было то, что, по рассказам Лопатиной, Лавиния с детства была необыкновенно дурна собой; это приводило ее родителей в такое отчаяние, что мать почти возненавидела ни в чем не повинную девочку, и ее во время приемов тщательно прятали от гостей.

Вообще, в то время в высшем кругу, к которому принадлежало семейство Бравуров, не принято было не только вывозить, но даже и показывать молодых девушек до момента их выезда в свет,

и в силу этого никого из тех, кто знал, что в семье растет дочь, не могло удивить ее постоянное отсутствие в приемных комнатах отца и матери.

Между тем девочка подрастала и настолько выравнивалась, что к 14-ти годам была уже совсем хорошенькая, а к 16 обещала сделаться совершенной красавицей.

В этом именно возрасте Лавинию в первый раз взяли в театр в день оперного спектакля, и то исключительное внимание, какое было вызвано ее появлением в ложе, было принято наивной девочкой за выражение порицания по поводу ее безобразия и вызвало ее горькие слезы...

В тот же вечер все объяснилось... Тщеславная и легкомысленная мамаша поняла, что красота ее дочери отныне будет предметом ее гордости, и Лавиния начала появляться на балах, всюду приводя всех в восторг своей незаурядной красотой.

Когда ей минуло 18 лет, за нее посватался богач Жадимировский, человек с прекрасной репутацией, без ума влюбившийся в молодую красавицу.

Приданого он не потребовал никакого, что тоже вошло в расчет Бравуров, дела которых были не в особенно блестящем положении, — и свадьба была скоро и блестяще отпразднована, после чего молодые отправились в заграничное путешествие.

По возвращении в Петербург Жадимировские открыли богатый и очень оживленный салон, сделавшийся средоточием самого избранного общества.

В те времена дворянство ежегодно давало парадный бал в честь царской фамилии, которая никогда не отказывалась почтить этот бал своим присутствием.

На одном из таких балов красавица Лавиния обратила на себя внимание императора Николая Павловича, и об этой царской «милости», по обыкновению, доведено было до сведения самой героини царского каприза.

Лавиния оскорбилась и отвечала бесповоротным и по тогдашнему времени даже резким отказом.

Император поморщился... и промолчал.

Он к отказам не особенно привык, но мирился с ними, когда находил им достаточное «оправдание».

Прошло два или три года, и Петербург был взволнован скандальной новостью о побеге одной из героинь зимнего великосветского сезона, красавицы Лавинии Жадимировской, бросив-

шей мужа, чтобы бежать с князем Трубецким³, человеком уже не молодым и вовсе не красивым, жившим после смерти жены вместе с маленькой дочерью, которую он, по слухам, готовился отдать в институт.

Побег был устроен очень осторожно и умело, никто ни о чем не догадывался до последней минуты, и когда беглецы были, по расчетам, уже далеко, муж из письма, оставленного ему женой, узнал, куда и с кем она бежала.

Дело это наделало много шума, и о нем доложено было государю.

Тут только император Николай в первый раз сознательно вспомнил о своей бывшей неудаче, и, примирившись в то время с отказом жены, не пожелавшей изменить мужу, не мог и не хотел примириться с тем, что ему предпочли другого, да еще человека не моложе его годами и во всем ему уступавшего.

Он приказал немедленно пустить в ход все средства к тому, чтобы разыскать и догнать беглецов, и отдал строгий приказ обо всем, что откроется по этому поводу, немедленно ему доносить.

В то время не было еще ни телеграфов, ни железных дорог. Осложнялся этим побег, но значительно осложнялась, конечно, и погоня...

Волновался, впрочем, только государь... Сам Жадимировский оставался совершенно покойным, и ни к кому из властей не обращался...

Дознано было, что беглецы направились в Одессу.

Туда же поскакали и фельдъегеря с строжайшим приказом «догнать» беглецов во что бы то ни стало...

Понятно было, что они на пароходе ускользнут за границу, и в таком случае на выдачу их надежды не было...

Такой выдачи мог требовать только муж, а он упорно молчал...

Фельдъегеря скакали день и ночь; но не зевали и беглецы, которые, кроме того, имели еще и несколько дней аванса.

В Одессу, как и следовало ожидать, Трубецкой с Лавинией были раньше своих преследователей, успели застаться билетами на пароход и схвачены были уже на трапе, поднимаясь на палубу парохода...

Оба, в силу распоряжений из Петербурга, были тут же арестованы и под конвоем препровождены обратно в Петербург.

К государю был немедленно отправлен нарочный, который, по словам современной скандальной хроники, получил крупную награду.

Одновременно уведомлен был о поимке жены и Жадимировский, который, однако, не только не выразил никакого восторга по этому поводу, а, напротив, довольно смело заметил, что он ни с каким ходатайством о подобной поимке никуда не входил.

По прошествии нескольких дней привезены были и сами беглецы, причем Жадимировский лично выехал навстречу жене и спокойно отправился с ней к себе домой.

На косвенно предложенный ему вопрос о том, какого возмездия он желает, Жадимировский ответил просьбой о выдаче ему с женой заграничного паспорта и тотчас же уехал вместе с нею, к великому огорчению всех охотников до крупных и громких скандалов, не обнаружив не только никаких особенно враждебных намерений по адресу жены, но, напротив, сохраняя с ней самые корректные и дружелюбные отношения...

Николай Павлович ничем не откликнулся на этот молчаливый протест, разрешил свободный отъезд за границу, который в те далекие времена не особенно легко разрешался, но зато вся сила его могучего гнева тяжело обрушилась на Трубецкого.

Самолюбивый государь не мог и не хотел простить Трубецкому предпочтения, оказанного ему, и не прошло недели, как над отданным под суд князем состоялась высочайшая конфирмация, в силу которой он, разжалованный в рядовые, сослался на Кавказ.

Относительно оставшейся без него малолетней дочери сделано было распоряжение о зачислении ее пансионеркой царской фамилии в Екатерининский институт, где она и окончила курс, после чего тотчас же была взята ко двору.

Судьба молодой девушки устроилась блистательно, и на коронации императора Александра II в нее влюбился граф Морни, двоюродный брат Наполеона III⁴, бывший его представителем на коронационных торжествах.

Особой преданности графиня Морни к нашему двору никогда впоследствии не питала, да и вообще на нежную преданность она особенно способна не была, что она ясно доказала тем остроумным, но отнюдь не любезным и не справедливым каламбуром, каким она встретила царский по роскоши свадебный подарок своего жениха.

Хорошо зная, что его красавица-невеста не имеет ровно никаких средств и что ей не только не на что будет сделать себе приданое, но и на подвенечное платье у нее средств не хватит, граф Морни тотчас по получении от нее согласия на брак прислал ей свадебную корзину, на дне которой лежали процентные бумаги на крупную сумму.

Ознакомившись с содержимым конверта, невеста гордо подняла свою красивую головку и с холодной улыбкой заметила: «*Le present vaut mieux que le futur!*» (Настоящее предпочтительно будущему).

О дальнейшей судьбе самого князя Трубецкого мне ничего не известно, и самый случай этот передан мною без малейшей цели потревожить чью-нибудь память...

Впрочем, чтобы остаться в пределах строгой справедливости, следует сказать, что на почве подобных столкновений император Николай Павлович всегда оставался верен себе, и, кроме вышеприведенного примера с Жадимировской, мне известен также случай с княгиней Софьей Несвицкой, урожденной Лешерн⁵, которой тоже была брошена покойным императором перчатка, и так же неудачно.

Красавица собой, дочь умершего генерала, блестящим образом окончившая курс в одном из первых институтов, молодая Лешерн имела за собой все для того, чтобы составить блестящую карьеру, но она увлеклась молодым офицером Преображенского полка, князем Алексеем Яковлевичем Несвицким⁶, и... пожертвовала ему собой, в твердой уверенности, что он сумеет оценить ее привязанность и даст ей свое имя.

Расчет ее на рыцарское благородство князя не оправдался, он не только не сделал ей предложения, но совершенно отдалился от нее, ссылаясь на строгий запрет матери.

Несчастливая молодая девушка осталась в положении совершенно безвыходном, ежели бы не вмешательство великого князя Михаила Павловича, всегда чутко отзывавшегося на всякое чужое горе и тщательно охранявшего честь гвардейского мундира.

Справедливо найдя, что мундир, который носил князь Несвицкий, сильно скомпрометирован его поступком с отдавшейся ему молодой девушкой, Михаил Павлович вызвал Несвицкого к себе, строго поговорил с ним и, узнав от него, что мать действительно дает ему самые ограниченные средства к жизни, выдал

ему на свадьбу довольно крупную сумму из своих личных средств, вызвавшись при этом быть посаженным отцом на его свадьбе.

Гордая и самолюбивая, старая княгиня так и не признала невестки и никогда не видалась с нею, даже впоследствии.

Первое время после свадьбы «молодая» была или, точнее, старалась быть счастлива, но муж стал скоро тяготиться семейной жизнью и изменял жене у нее на глазах.

К этому времени относится первая встреча молодой княгини с императором Николаем.

Государь увидал ее на одном из тех балов, которые в то время давались офицерами гвардейских полков и на которых так часто и охотно присутствовали высочайшие гости.

Замечательная красота княгини Софьи бросилась в глаза императору, и он, стороной разузнав подробности ее замужества и ее настоящей жизни, сделал ей довольно щекотливое предложение, на которое она отвечала отказом.

Государь примирился с этим отказом, приняв его как доказательство любви княгини к мужу и желание остаться ему непоколебимо верной.

Но он ошибался.

Молодой женщине император просто не нравился как мужчина, и спустя два года, встретивши человека, которому удалось ей понравиться, она отдалась ему со всей страстью любящей и глубоко преданной женщины.

Избранник этот был флигель-адъютант Бетанкур⁷, на которого обрушился гнев государя, узнавшего о предпочтении, оказанном ему перед державным поклонником.

Бетанкур был человек практический; он понял, что хороших женщин много, а император один, и через графа Адлерберга⁸ довел до сведения государя, что он готов навсегда отказаться не только от связи с княгиней Несвицкой, но даже от случайной встречи с ней, лишь бы не лишаться милости государя.

Такая «преданность» была оценена, Бетанкур пошел в гору, а бедная молодая княгиня, брошенная и мужем и любовником, осталась совершенно одна и сошла со сцены большого света, охотно прощающего все, кроме неудачи.

Прошли года...

Состарился государь... Состарилась и впала в совершенную нищету и бывшая красавица Несвицкая, и бедная, обездоленная, решилась подать на высочайшее имя прошение о вспомоществовании.

Ей, больной, совершенно отжившей и отрешившейся от всего прошлого, и в голову не приходило, конечно, никакое воспоминание о прошлом, давно пережитом... Но не так взглянул на дело государь.

Первоначально он, узнав из доклада управляющего комиссией прошений, что просьба идет от особы титулованной, назначил сравнительно крупную сумму для выдачи, но в минуту подписания бумаги, увидав на прошении имя княгини Несвицкой, рожденной Лешерн, порывистым жестом разорвал бумагу, сказав:

— Этой?!. Никогда... и ничего!!.

Этот последний случай лично рассказан был мне княгиней Несвицкой, которую я видела в конце 50-х годов в Петербурге, в крайней бедности, почти совершенно ослепшей и буквально нуждавшейся в дневном пропитании.

В заключение передам комический эпизод из той же закулисной жизни императора Николая, сообщенный в моем присутствии покойным Тютчевым, чуть не в самый момент его совершения.

Больших и особенно знаменательных увлечений за императором Николаем I, как известно, не водилось. Единственная серьезная, вошедшая в историю связь его была связь с Варварой Аркадьевной Нелидовой⁹, одной из любимых фрейлин императрицы Александры Феодоровны. Но эта связь не может быть поставлена в укор ни самому императору, ни без ума любившей его Нелидовой. В нем она оправдывалась вконец пошатнувшимся здоровьем императрицы, которую государь обожал, но которую берег и нежил, как экзотический цветок...

Нелидова искупала свою вину тем, что любила государя преданно и безгранично, любила всеми силами своей души, не считаясь ни с его величием, ни с его могуществом, а любя в нем человека. Императрице связь эта была хорошо известна... Она, если можно так выразиться, была санкционирована ею, и когда император Николай Павлович скончался, то императрица, призвав к себе Нелидову, нежно обняла ее, крепко поцеловала и, сняв с руки браслет с портретом государя, сама надела его на руку Варвары Аркадьевны. Кроме того, императрица назначила один час в течение дня, в который, во все время пребывания тела императора во дворце, в комнату, где он покоился, не допускался никто, кроме Нелидовой, чтобы дать ей, таким образом, свободно помолиться у дорогого ей праха.

Но, помимо этой серьезной и всеми признанной связи, за государем подчас водились и маленькие анекдотические увлечения,

которые он бесцеремонно называл «дурачествами», перекрестив их в оригинальное наименование «васильковых дурачеств» с тех пор, как услышал, что Ф. И. Тютчев¹⁰ поэтически назвал их «des bluettes».

Вот об одном из таких «васильковых дурачеств» с присущим ему остроумием рассказывал нам однажды Тютчев.

Государь ежедневно прогуливался по Дворцовой набережной, посвящая этой обычной своей прогулке сравнительно очень ранний час.

Вставал государь, как известно, на рассвете, занимался делами, кушал чай и около 8-ми часов утра уже принимал первые доклады.

В 9 часов ровно он выходил из дворца и следовал по набережной, проходя ее во всю ее длину несколько раз сряду.

И вот однажды, поднимаясь на мостик у так называемой Зимней канавки, — государь заметил идущую ему навстречу молодую девушку, скромно, но очень мило одетую, с большою нотной папкою в руках.

Государь пристально взглянул на нее... проводил ее внимательным взглядом, когда она прошла мимо, и, конечно, забыл бы об этой встрече, ежели бы на следующей день та же встреча не повторилась.

Государя это заинтересовало, тем более что молодая девушка была прехорошенькая и держалась чрезвычайно скромно и порядочно.

На третью или четвертую встречу государь улыбнулся своей знакомой незнакомке, и в ответ получил такую же приветливую улыбку.

Затем последовал обмен дружеских и приветливых поклонов, а за поклонами последовали и более или менее откровенные разговоры.

Государя забавляло то, что незнакомка, очевидно, не догадывалась вовсе, с кем она имеет дело, и принимала государя за простого гвардейского офицера.

Государь, избегая говорить о себе, узнал всю несложную биографию незнакомки.

Он узнал, что она дочь бывшего учителя немецкого языка, оставившего свои занятия вследствие полной глухоты, что она дает уроки музыки, что мать ее занимается хозяйством и почти все делает сама, так как они держат только одну прислугу.

Наконец он узнал, что живут они на Гороховой, в доме бывшего провиантмейстера, — номеров на домах в то время не было, и значились дома по именам их владельцев, — и занимают небольшую квартирку в три комнаты.

От откровенных рассказов о житье-бытье собеседники перешли к более интимным разговорам, и государь осторожно навел речь на желание свое ближе познакомиться с молодой учительницей.

Отказа не последовало.

Молодая девушка легко согласилась на то, чтобы новый знакомый посетил ее и познакомился с ее отцом и матерью, которые, по ее словам, будут очень польщены этим знакомством. Назначен был день и час первого визита, и в этот день, по окончании обеда в Зимнем дворце, государь объявил, что пойдет пройтись по улице.

Ни о каких «охранах» в то время не было речи... Государь свободно гулял где и когда хотел, и то, что теперь считается заботой и зачисляется за необходимую и полезную службу, явилось бы в те времена дерзким и непростительным шпионством.

Государь, подняв воротник шинели, торопливо шагал по темным уже улицам, с легким нетерпением ожидая близкого свидания.

На углу Гороховой он осторожно оглянулся во все стороны и направился к указанному ему дому.

У ворот он осведомился, туда ли попал, и, пройдя двор, стал подниматься по довольно узкой, деревянной лестнице. Против всякого ожидания лестница оказалась освещенной. Правда, все освещение ограничивалось тусклым фонарем со вставленным в него оплывшим огарком, но для Гороховой улицы того времени и это было роскошью. Лестницы тогда вовсе ничем не освещались.

Осторожно поднимаясь по достаточно грязно содержавшимся ступенькам, государь издали услышал звуки музыки и ощутил какой-то странный запах, смесь подгоревшего масла с дешевым одеколоном.

Достигнув указанного ему этажа, государь увидал, что у одной из дверей горел такой же фонарь, как и на лестнице. На двери этой значилась фамилия отца той молодой девушки, к которой направлялся государь.

Удивление его шло, все возрастая... Но делать было нечего. Не уходить же от дверей, как самому простому, самому податливому из смертных...

Император Николай Павлович, как известно, ни перед чем и ни перед кем никогда не отступал.

Он опустил воротник шинели и смело дернул за железную ручку звонка, болтавшуюся поверх совершенно ободранной клеенки.

На звонок из кухни выглянула кухарка в ситцевом сарафане и сальном подоткнутом фартуке.

— Кого вам?.. — неприветливо спросила она, не выпуская из рук двери.

Государь назвал фамилию старого учителя.

— Нету дома его!.. В другоряд приходите!.. — неприветливо бросила ему кухарка и хотела захлопнуть дверь, но император не дал ей этого сделать.

— Я не к нему и пришел!.. — сказал он.

— А к кому?.. К барыне?.. Так и барыни дома нету-ти!..

— А барышня?..

— Сказано вам никого... Экие вы неотвязные, прости Господи!..

— Но как же?.. Мне сказали... меня ждут...

— Ждут, да не вас!.. — загадочно покачала головой кухарка. — Сегодня нам не до простых гостей!..

— Так, стало быть, господа дома?.. — переспросил озадаченный государь.

— Дома-то они все дома... Да только пущать никого постороннего не приказано... потому...

И она таинственно приблизилась к нему свое лоснившееся от масла и пота лицо.

— Потому, — почти прошептала она, — что к нам сегодня вечером самого императора в гости ждут!..

— Кого?!

— Самого императора!.. Понимаете?.. Так вы, по вашему офицерскому чину, и уходите по добру по здорову, пока вас честью просят!.. Поняли?!

— Понял!.. — улыбнулся государь. — Только скажи ты мне, пожалуйста, кто же это вам всем сказал, что император сюда придет?..

— Барышня наша сказала!.. У нас все как есть приготовлено... и закуска... и ужин... и фрухты куплены!..

— И всем этим твоя барышня распорядилась?!

— Да!.. Она у нас всюду сама, королева, а не барышня!

— Ну, так скажи своей... королеве-барышне, что она дура!.. — твердо произнес государь и, подняв воротник, стал торопливо спускаться с лестницы.

Вернувшись из этой неудачной экскурсии, Николай Павлович сам рассказывал об ней своим приближенным и признал ее самой глупой из всех своих «васильковых глупостей».

Так в жизни этой крупной исторической личности многозначные и крупные факты шли параллельно с «васильковыми дурачествами»!

